

Церна С.

Представленная тысячами единиц, различными типами, мужская и женская, орнаментированная и с отсутствием декора, схематичная и реалистическая антропоморфная пластика Кукутени-Триполья издавна вызывала интерес исследователей. Соответственно, изучение антропоморфных фигурок имеет долгую традицию, а проблеме их назначения посвящены тысячи страниц научных публикаций.

Подходы к интерпретации как трипольской, так и всей нео-энеолитической пластики представляют собой череду сменяющих друг друга моделей и парадигм. Длительное время статуэтки рассматривались исключительно как «вещь в себе», т. е. как предмет поклонения, образец древнего искусства, а господствующими интерпретационные идеи были связаны с культом плодородия, «Великой Богини-Матери» и т. д. В последние десятилетия, прежде всего, в европейской археологии наблюдается отход от этих постулатов в сторону более тщательного анализа контекстуальных особенностей распределения пластики на археологических памятниках, а большинство исследователей обратилось к проблеме специфики развития антропоморфных фигурок на фоне социальной эволюции и структуры раннеземледельческих общин. Пластика все чаще рассматривается как социальный, а не исключительно религиозный феномен.

На постсоветском пространстве, однако, указанные выше исследовательские направления пока еще не разрабатываются на должном уровне. Этому есть как объективные, так и субъективные причины, обсуждение которых выходит за рамки настоящей дискуссии. В данном контексте очевидна важность тех редких еще работ, в которых авторы пытаются по-новому взглянуть на феномен антропоморфной пластики.

Именно таким исследованием предстает статья И. Палагуты, публикуемая в настоящем номере «Российского археологического ежегодника». Главным ее достоинством, позволяющим считать ее примером нетрадиционного, современного подхода к проблеме трипольских статуэток, является социокультурная интерпретация такого специфического явления, как наборы глиняной пластики. В то же время, на мой взгляд, работа содержит некоторые неясности и неточности, а постановка самого вопроса о так называемых «наборах» может быть несколько расширена.

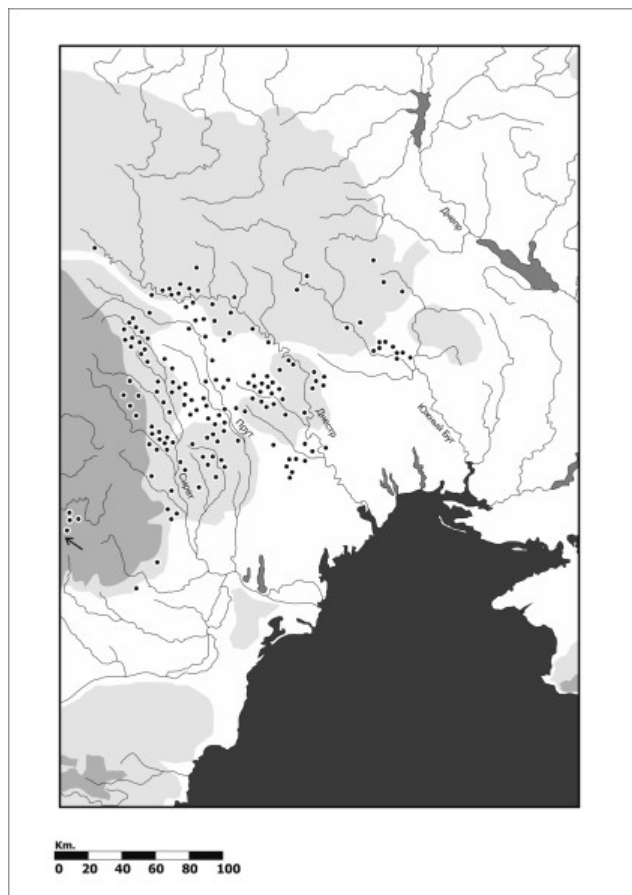
Во-первых, кажутся не совсем обоснованными сомнения автора в длительности хронологического диапазона, указанного радиоуглеродными датами для раннетрипольских памятников. Если предлагаемая некоторыми авторами верхняя граница в 5500–5400 лет до н. э. (Бурдо 2001–2002; Вейдеко 2004) представляется спорной, то указанный в целом ряде работ отрезок развития раннего Триполья в 5050–4600 лет до н. э. (Mantu 1998; Bem 1998–2000) продолжает находить свое подтверждение в новых датах (Lazarovici 2010). Также не совсем понятно, почему «противоречит радиоуглеродной длительности периода Триполье А — Прекукутени факт сохранения на всем его протяжении целостности материальной культуры». Противоречие здесь присутствует только на первый взгляд, потому что нередко относительная изоляция и нахождение в гетерогенной культурной среде приводит к обратному эффекту — носители определенных культурных традиций всячески стараются их поддерживать,

следуя тому самому канону, который во многом определяет их идентичность¹. И наоборот, динамичное внутреннее взаимодействие между носителями определенной культуры зачастую выступает в роли катализатора культурных изменений, отражающихся в том числе и в материальной сфере.

Во-вторых, определенные методологические претензии могут быть предъявлены и к анализу структуры раннетрипольских обществ, а также определению «тех аспектов существования, которые были наиболее актуальны для раннетрипольско-прекукутенского населения». Так, предполагаемое «гнездообразное» расположение памятников, хотя и весьма вероятное, должно все-таки рассматриваться с учетом степени исследованности той или иной территории. В особенности это касается территориальных разрывов между «гнездами». Приведу некоторые аргументы. Как пишет автор, составленная им карта с раннетрипольскими группами памятников основывается на данных из обобщающих работ Маринеску-Былку (1974), Бодяна (2001) и Збеновича (1989), в которых учтено около 175 поселений. Следовательно, карта отражает степень знаний о распределении памятников культуры на момент выхода каждой из этих трех монографий. Отметим, что последняя из этих работ вышла 12 лет назад, а первая — почти 40. Естественно, за это время был накоплен большой объем данных, внесших серьезные коррективы в общий массив источников. Составленная с учетом последних работ карта распределения раннетрипольских поселений (рис. 1) отличается от карты, предложенной Палагуйтой. Границы предполагаемых гнезд «поселений» становятся не столь четкими, а в некоторых случаях (и это касается, прежде всего, румынской территории) они практически исчезают. Напротив, создается впечатление практически «сплошного» заселения как правобережья Сирета, так и средней части между-речья Сирета, Прута и Днестра (в центральной части днестровского бассейна наибольшее число памятников связано с бассейном Реута). Несмотря на более чем столетнюю традицию кукутень-трипольской археологии, продолжающиеся полевые исследования до сих пор способствуют устранению многих «белых пятен» на картах расселения трипольских племен. Например, целый ряд новых пунктов этапа Прекукутень III, расстояние между которыми варьирует от 10 до 40 км, стал известен в бассейне р. Бык в центральной Молдове: поселения в Кишиневе, Вадул-луй-Водэ, Кэрбуна (три поселения), Милештий Мичь, Русештий Ной (два поселения), Анений Ной (Bodean 2001, 2010; Brihuneț 2005; Церна, Попович, Паша 2012 и некоторые неопубликованные материалы). Многие раннетрипольские памятники были обнаружены и на севере Молдовы, где, как пишет И. Палагута, раннетрипольских памятников не известно. Показателен еще один пример. В сводке С. Маринеску-Былку 1974 г., на которую опирается И. Палагута, приводятся данные о 54 памятниках для всей территории Румынии. Но в свод археологических памятников жудеца Яссы, опубликованный в 1984 г., включено уже 51 прекукутенское поселение (Chirica, Tanasachi 1984). И это данные всего лишь по одному уезду. Последние разработки румынских специалистов позволили практически удвоить число памятников раннего этапа

¹ Здесь нельзя не упомянуть очень интересную работу В. Балабиной (1998), в которой исследовательница именно в таком ключе объясняет динамику развития так называемого «змеевидного» орнамента на трипольских сосудах.

культуры на территории Румынии по сравнению с данными из монографии Маринеску-Былку — сегодня число известных поселений того периода в Румынии уже превысило сотню (Garvăn et al. 2009).

Рис. 1. Карта распространения памятников этапа Прекукутень — Триполье А (по Garvăn, Vuzea, Fînculeasa 2009; Bodean 2001; Збенович 1989 с дополнениями автора).

Fig. 1. Distribution of the Precucuteni — Tripolye A sites (after: Garvăn et al. 2009; Bodean 2001; Збенович 1989, with the author's additions).

Естественно, сказанное выше ни в коем случае не подразумевает отрицание возможности гнездобразного размещения трипольских поселений на раннем этапе. Однако любые пространственные модели распределения тех или иных археологических памятников могут считаться достаточно обоснованными лишь после полноценного изучения соответственной микрзоны с выделением четкой стратиграфической колонки поселений в рамках конкретного микрорегиона. Границы подобного микрорегиона могут быть определены

только после проведения систематических и целенаправленных работ по выявлению поселений, уточнению их расположения по отношению к единицам ландшафта, определению их размеров, а также шурфовок с целью выявления сохранности памятника, мощности культурного слоя и особенностей керамического инвентаря (хороший пример микроронального анализа, проведенного на современном научном уровне, см.: Müller et al. 2011). В противном случае, любые попытки по оконтуриванию определенных скоплений памятников и вычислению закономерностей их пространственного распределения будут носить в известной степени умозрительный и гипотетический характер.

Но обратимся непосредственно к наборам. Здесь также необходимы некоторые дополнения.

Так, И. Палагута пишет, что в более поздних наборах (среднего и позднего Триполья) количество статуэток резко сокращается и происходит «сдвиг акцента на малый, семейный коллектив». Однако ряд данных противоречит этой гипотезе. Обращу внимание на относительно недавнюю случайную находку поздне трипольского статуарного набора на трипольском поселении у с. Малиновцы (Шманько 2008), где в сосуде находилось 13 антропоморфных фигурок и кремневый наконечник дротика (рис. 2). Следует также упомянуть находку из поздне трипольского поселения Коломийщина I, где, по данным Т. Пассек (Пассек 1941: 72), рядом с печью жилища № 6 возле крупного глинобитного возвышения (алтаря?), окрашенного в красный цвет, была обнаружена группа из 21 фигурки: 18 женских и 3 мужских². Далее, как в раннем или среднем Триполье, многие поздне трипольские жилища обнаруживают большое количество пластики, и эти статуэтки также могут происходить из достаточно крупных наборов. Следовательно, утверждать, что для позднего Триполья характерны исключительно небольшие наборы из 4–5 статуэток, несколько преждевременно, а постепенное уменьшение количества фигурок в кукутень-трипольских наборах, предполагаемое И. Палагудой, может отображать как реальную историческую тенденцию, так и своеобразный историографический «каприз», отражение состояния современной источниковедческой базы.

Также в перечень «наборов» раннего Триполья можно включить (пока на уровне гипотезы) и некоторые группы схематизированных фигурок/амулетов. Так, в составе знаменитого Кэрбунского клада присутствуют 24 антропоморфизированные медные бляшки (Дергачев 1998). На поселении Флорешть в землянке № 10 были обнаружены следы косторезной мастерской (?), включающей, среди прочих изделий, 20 костяных зубчатых амулетов с антропоморфными признаками, 9 из которых являлись целыми, а 11 представляли собой недо-работанные заготовки³ (Пассек 1965). Не отражает ли комплекс из Флорешти процесс изготовления аналогичного набора? Отмечу, что медные или костяные амулеты являются крайне редкой находкой на ранне трипольских поселениях, и комплексы из Кэрбуны и Флорешти могут считаться поистине уникальными. Далее, и в том, и в другом случае, очевидно назначение этих предметов, некоторые из которых были снабжены отверстиями: предназначались они для

² К сожалению, этот комплекс так и остался неопубликованным, а документация, судя по всему, не сохранилась (см. также Мовша 1971: 202).

³ Опубликованы рисунки лишь 12 амулетов из этого комплекса.

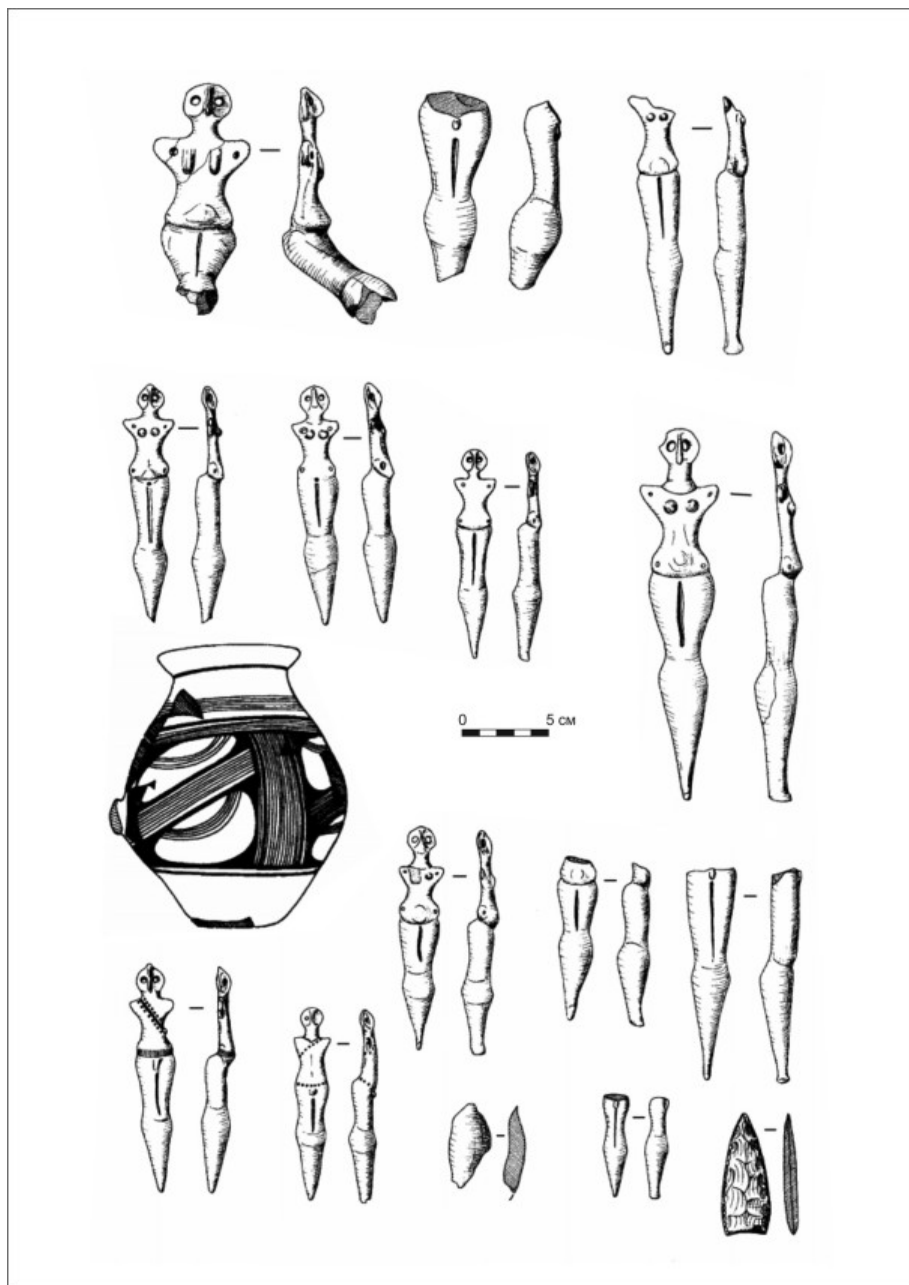

Рис. 2. Набор поздне трипольских фигурок в сосуде из Малиновцев (по: Шманько 2008).

Fig. 2. Set of late-Tripolyan figurines found in a vessel from Malinovtsy (after Шманько 2008).

показа; возможно, в рамках определенной церемонии. Более того, как в рассматриваемых И. Палагудой наборах, состав комплексов из Кэрбуны и Флорешт также обнаруживает определенную иерархию в том, что касается размеров амулетов (рис. 3). Вполне вероятно, наборы зубчатых амулетов и глиняных статуэток можно объединить в единый семантический ряд, даже несмотря на отсутствие абсолютного численного тождества (21 фигурка в Подури, Исайте, Коломийщине I и, возможно, в Сабатиновке II против 24 амулетов в Кэрбуне и 20 амулетов во Флорешти⁴). И, если комплексы из Подури, Исайи, Сабатиновки и других трипольских поселений являются, как справедливо полагает И. Палагута, миниатюрным воплощением неких мифологических сюжетов, то наборы амулетов могли использоваться на другом уровне символического или даже «театрализованного» воспроизведения тех же социоритуальных построений, на этот раз — с участием живых людей.

С другой стороны, как совершенно справедливо указывает И. Палагута, обзор подобных комплексов был бы неполон без привлечения наборов другого «неординарного» инвентаря. Речь идет, по меньшей мере, о наборах астрагалов (к упомянутой И. Палагудой находке из Подури можно прибавить и обнаружение 16 астрагалов в сосуде из Брынзен III (Маркевич 1981: рис. 13/1)) и так называемых «конусов» или «игральных фишек» из глины, некоторые из которых обладали зооморфными и антропоморфными признаками (Балабина 1997; Попова 2005).

Указанные мной дискуссионные моменты в работе И. Палагуды ни в коем случае не снижают важность и актуальность обсуждаемого исследования. Статья И. Палагуды важна, в первую очередь, самой постановкой вопроса о возможной взаимосвязи между спецификой комплекса статуэток культуры Кукутени-Триполья и социальными аспектами развития данного общества. Убедителен и интересен анализ состава наборов фигурок и взаимоотношений между его элементами. Наконец, перспективны намеченные направления изучения того, как в пластике отражались изменения в организации трипольских общин на среднем и позднем этапах развития культуры.

Изучение Кукутени-Триполья, как мне кажется, неминуемо сопряжено с некоторыми парадоксами. Одним из них является сама оценка наших знаний о данном феномене. Является ли культура Кукутени-Триполья хорошо изученным явлением в европейской преистории? С точки зрения количества проведенных археологических работ на отдельных памятниках, безусловно, да. Обширна и кукутень-трипольская библиография. В то же время, мы еще далеки от понимания того, как развивались и взаимодействовали между собой элементы этого сложного механизма. Необходимы новые данные, использование современного научного аппарата, а вместе с этим — переоценка существующих моделей. Сильно варьирует степень изученности отдельных регионов, и этот фактор нельзя недооценивать.

Со временем, безусловно, появятся и новые наборы фигурок, как раннего, так и более поздних этапов. Выйдут новые публикации, посвященные анализу

⁴ В отношении находки из Флорешти следует учесть, что амулеты не происходят из полностью закрытого комплекса (например, сосуда), и остается вероятность утери каких-то вещей в процессе раскопок.

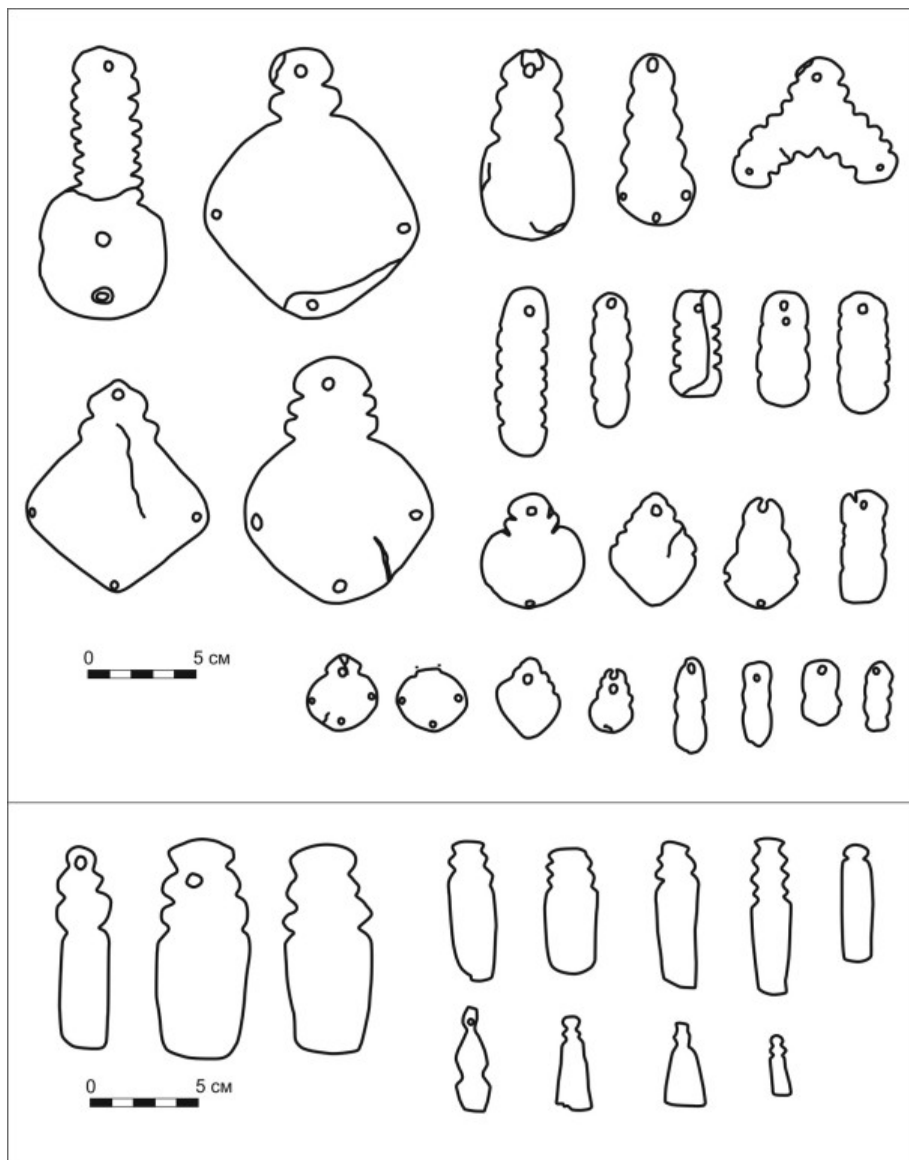

Рис. 3. Наборы антропоморфных амулетов из Кэрбуны (вверху, по: Дергачев 1998) и Флорешти (внизу, по: Пассек 1965).

Fig. 3. Sets of anthropomorphic amulets from Cărbuna (top, after Дергачев 1998) and Florești (bottom, after Пассек 1965).

этих наборов. И хочется верить, что благодаря статье И. Палагуты, а также развернутой на страницах «Российского археологического ежегодника» дискуссии все эти последующие работы станут значительно полнее.

Литература

- Балабина В. И.* 1997. Фигурки животных и их символика на сосудах как отражение одной из знаковых систем древних земледельцев Европы // РА 2, 29–46.
- Балабина В. И.* 1998. К прочтению змеиных изображений спиралевидного орнамента древних земледельцев Европы // ВДИ 2, 135–151.
- Бурдо Н. Б.* 2001–2002. Новые данные для абсолютной датировки неолита и ранне-го энеолита на территории Украины // SP 2, 431–446.
- Відейко М. Ю.* 2004. Абсолютне датування трипільської культури // Відейко М. Ю. (ред.). Енциклопедія трипільської цивілізації. Т.1. Київ: Укראоліграфмедіа, 85–95.
- Дергачев В. А.* 1998. Карбунский клад. Кишинев.
- Збенович В. Г.* 1989. Ранний этап Трипольской культуры на территории Украины. Киев: Наукова Думка.
- Маркевич В. И.* 1981. Позднетрипольские племена Северной Молдавии. Кишинев: Штиинца.
- Мовша Т. Г.* 1971. Святилище трипольской культуры // СА 1, 201–204.
- Пассек Т. С.* 1941. Трипільська культура. Київ: Видавництво АН УРСР.
- Пассек Т. С.* 1965. Костяные амулеты из Флорешт // Крупнов Е. И. (ред.). Новое в советской археологии. Памяти С. В. Киселева. М.: Наука, 77083 (МИА 130).
- Попова Т. А.* 2005. Игры и их аксессуары у земледельцев юго-запада Восточной Европы эпохи энеолита (опыт обобщения артефактов) // Симаков Г. Н. (ред.). Игра и игровое начало в культуре народов мира. СПб.: МАЭ РАН, 61–77.
- Церна С., Попович С., Паша В.* 2012. Новые находки с раннетрипольских поселений Кэрбуна I и Кэрбуна XI (Яловенского района, Республики Молдова) // *Tyragetia* SN VI/1, 53–64.
- Шманько О.* 2008. Випадкова знахідка ритуального скарбу трипільської культури з території Середнього Подністров'я // МДАПВ 12, 368–374.
- Vem C.* 1998–2000. Elemente de cronologie radiocarbon. Ariile culturale Boian — Gumenița — Cernavoda I și Precucuteni — Cucuteni/Tripolie // *Cercetări arheologice* XI/1, 337–359.
- Bodean S.* 2001. Așezările culturii Precucuteni-Tripolie A din Republica Moldova. Chișinău: Pontos.
- Bodean S.* 2010. Cercetări arheologice în așezarea Chișinău — „Valea Morilor” // *Akademos* 3 (18), 120–121.
- Brihuneț M.* 2005. Vestigii arheologice în moșia comunei Mileștii Mici, r. Ialoveni. In: // *Tyragetia* XIV, 101–104.
- Chirica V., Tanasachi M.* 1984. Repertoriul arheologic al județului Iași, vol. I–II. Iași.
- Garvăn D., Buzea D., Frînculeasa A.* 2009. Precucuteni. Originea unei mari civilizații. Piatra Neamț: Editura Constantin Mătasă.
- Lazarovici C. M.* 2010. New data regarding the chronology of the Precucuteni, Cucuteni and Horodiștea-Erbiceni cultures // Šuteková J., Pavúk P., Kalábková P., Kovár B. (eds.). *Pantá Rhei. Studies on the Chronology and Cultural Development of South-Eastern and Central Europe in Earlier Prehistory Presented to Juraj Pavúk on the Occasion of his 75th Birthday.* Bratislava: Comenius University, 71–94.
- Mantu C. M.* 1998. Cultura Cucuteni. Evoluție, cronologie, legături. Piatra Neamț: Constantin Mătasă.

- Marinescu-Bîlcu S.* 1974. *Cultura Precucuteni pe teritoriul României*. București: ARSR.
- Müller J., Hofmann R., Müller-Scheeßel N., Rassmann K.* 2011. *Zur Sozialen Organisation Einer Spätneolithischen Gesellschaft in Südosteuropa // Hansen S., Müller J. (Hrsg.). Sozialarchäologische Perspektiven. Gesellschaftlicher Wandel 5000–1500 v. Chr. Zwischen Atlantik und Kaukasus (Tagung Kiel 2007)*. Archäologie in Eurasien 24. Köthen: Zabern, 81–106.

Палагута И. В.

Ответ оппонентам

Прежде всего, хотелось бы поблагодарить всех коллег, принявших участие в обсуждении статьи. Их замечания позволяют существенно дополнить высказанные в ней соображения, а также затронуть проблемы, давно требующие обсуждения.

Начну с вопросов, поднятых П. М. Кожиным и С. Церной относительно предложенного варианта модели раннетрипольского расселения, палеодемографических и палеосоциологических реконструкций. В настоящей работе эта тема была вторичной, но рассмотреть ее было необходимо для создания цельной картины культуры, для системного обоснования моего подхода к исследованию пластики.

Выявленные за последние годы новые памятники не только существенно дополняют картину, но и показывают значительную плотность заселения западной части ареала, откуда происходило расселение. Возможно, их исследование и публикация материалов представят возможность более полно раскрыть причины раннетрипольских миграций. Необходимо дальнейшее комплексное исследование систем трипольских поселений, опирающееся, прежде всего, на анализ их керамических комплексов. Именно на этой основе была выстроена относительная хронология в группах памятников начала развитого этапа — Триполья VI (Палагута 2000). Для изучения поселенческих систем важны и палеоэкологические реконструкции, однако ограничиваться констатацией только факта находок костей лесных животных и на основании этого делать вывод о том, что современная лесостепь представляла в древности зону сплошных лесов, по-видимому, не стоит: есть еще данные палинологии (см., например: Кременецкий 1991, etc.). Кроме того, мы не имеем данных о древних ареалах лесной фауны. Например, ее присутствие на памятниках Пруто-Днестровского междуречья может быть связано с горным лесным массивом Кодр.

Несмотря на гипотетичность ряда аспектов предложенной картины, существенным для дальнейших социальных реконструкций является вывод о том, что для Триполья-Кукутени в раннем и начале развитого периода характерна подвижная система, исключая иерархию поселений, характерную для сложных обществ. Более детальные социальные реконструкции, конечно требуют серьезного анализа не только пластики, но и других категорий инвентаря.